ИДЕИ И ЛЮДИ

Независимая газ. — 1995. — 22 дек. — с.5

Василий Литвинов

Кафедра соцреализма

ЮБИЛЕЙНАЯ РАЗБОРКА

Как отпраздновали 90-летие Михаила Шолохова

СИСТЕМА ЗЕРКАЛ

ЮБИЛЕИ — это такая система зеркал, из которых неизменно выглядывают наши собственные физиономии. Так, столетие со дня убийства Пушкина не отделить от кровавых проблем 1937-го. Понятно, что самому юбиляру, в его вечности, от этого ни холодно, ни жарко. Бронзовый, склонив голову, Александр Сергеевич бесстрастно разглядывает то пионеров с барабанами, то взметенные кулаки митингующей оппозиции, то простодушных зевак, пришедших поклониться — пока движется очередь к «Макдоналдсу» за котлетой...

Уходящий год был некоторым образом шолоховским — 90 лет автору «Тихого Дона». Скажут: ну и что? А то, что нужно только представить себе, как все происходило бы по прежним нормам — какие фанфары, народное творчество, казачьи скачки с факелами в ночи... Нынешним такого не увидать.

Хотя фанфар не было слышно уже на 85-летие. При всем том, что дату эту, пусть и не совсем круглую, тогда отметили вполне пристойно: в Большом театре собрался столичный бомонд во главе с самим президентом СССР; выступали посланцы от японцев и скандинавов, Валентин Распутин и Анатолий Калинин... Несколько странно, что чуть ли не каждая речь начиналась с уверений, дескать, великий юбиляр ничего ни у кого не украл. Такое впечатление, словно общество вдруг ощутило некую вину перед классиком и пыталось ее загладить, но делало это крайне топорно. Юбилейные статьи пугали своей нестандартностью: *«Сколько можно клеветать?»*, *«Дело Шолохова»*, *«Опять вопли о плагиате?»* и т.п.

Дальше зеркало шолоховианы отражало в основном уже торжество рыночных отношений в стране — по-простому говоря, наш российский базар. Все продают, непонятно только кому, каждый толкает свое, не без спекуляции, то и дело вспыхивают скандалы, когда кричат, слыша лишь себя и давно забыв о предмете спора, поют свое слепцы, кого-то ловят, улюлюкая, снуют в толпе ловкие лотошники... Базар он и есть базар.

Такие крупняки, как Солженицын, когда-то поставив дело и задав тон, теперь в шолоховской разборке больше не участвуют. Потаенное парижское «Стремя «Тихого Дона» издано у нас, кто хочет, может свободно прочесть — там все сказано. В телепроповедях же одиозное имя не было помянуто ни разу, словно никогда Александра Исаевича и не интересовало. Сказано же: недостоин света!

Но и в такой величавой позиции есть своя слабина. Когда шолоховцы поняли, что пророк не реагирует, словно опамятовавшись через двадцать лет и осмелев, стали наседать на него самого. **Валентин Осипов** в своей книге выставил целый реестр: **«Шесть прекословий А.Солженицыну»** и с помощью примеров из мировой литературы стал сшибать аргументы «Стремени» один за другим. Слишком молод был для «Тихого Дона» Шолохов в свои 23 года — но разве Диккенс в том же возрасте уже не ходил в авторах «Пиквикского клуба», а Толстой не писал «Войну и мир»?! Не был зело учен — но если вспомнить таких «неучей», как Марк Твен, Маяковский, Бунин... Никогда больше не создал ничего подобного «Тихому Дону» — однако возьмите случай с Сервантесом... И так по «Прекословие VI» включительно. Вывод из всех шести столь же решителен, сколь и не прост для реализации: *«Если бы я встретился с А.И.Солженицыным, то сказал бы, что он просто обязан подумать о праве потомков на восприятие шолоховского творчества без предвзятости»*. Так уж и обязан...

Солженицын первым заподозрил в «Тихом Доне» две разные руки. Но, как говорится, Мне отмщение, и Аз воздам. Пришла очередь и ему самому услышать нечто подобное. Например, историк **Николай Ульянов** в нью-йоркском «Новом русском слове» заметил, что, похоже, *«произведения Солженицына не написаны одним пером. Они носят на себе следы трудов многих лиц разного писательского вкуса и склада, разных интеллектуальных уровней»*. **Иван Жуков** в книге **«Рука судьбы. Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве»** (1994) дал понять, что не Солженицыну бы поднимать шум насчет плагиата — свое знаменитое «Как нам обустроить Россию» он во многом позаимствовал из книги бывшего однокамерника философа Димитрия Панина. А **Николай Федь** в журнале «Молодая гвардия» без обиняков заметил, что автор «Архипелага ГУЛАГ» вообще был платным осведомителем КГБ (1994, № 3). Это базар, господа, здесь можно услышать о себе и не такое.

На страницах той же «Молодой гвардии» другой автор, **В. Васильев,** оппозицию Солженицын — Шолохов так обозначил в названии своей большой статьи: **«Ненависть. Заговор против русского гения»**. Ему кажется, что дело даже не в «Стремени» — направление главного удара по Шолохову лежит через «Красное колесо». Там выведен писатель Федор Ковынев (читай: Федор Крюков), который, начиная с 1916 года, на глазах читателя творит хорошо всем известный текст «Тихого Дона». *«Расчет Солженицына, создающего, по его мнению, вечные книги, был точен: все минет, статьи, литературоведческие исследования, а вечное «Красное колесо» с его Ковыневым (Крюковым) останется...»* Но как раз линия Ковынева в романе и выглядит слабее других, грешит анекдотическими натяжками! Когда-то Ф.Крюкова сгоряча выдвинули в авторы «Тихого Дона», не поинтересовавшись толком, что он писал на самом деле, какие взгляды исповедовал. Теперь в романе, чтобы увязать Крюкова воображенного с Крюковым реальным, Солженицыну приходится переиначивать, подчищать крюковские сочинения и факты биографии. Таким образом, пишет автор статьи «Ненависть», *«вначале Солженицын «разоблачал» Шолохова, теперь «разоблачает» Крюкова, но, как ни странно, в титанической борьбе с не могущими ему возразить противниками он разоблачает прежде всего себя, откровенно обнажая собственную методологию в обращении с историческими источниками»*.

Неизвестно только, долетают ли все эти иронизмы и вопросы до Солженицына. Он ведь и сам в некотором роде уже как бронзовый. Да и времена пришли такие, когда никто ни на какие вопросы отвечать не желает.

ВОСЛЕД СОЛЖЕНИЦЫНУ

Главное, что процесс пошел неостановимо. Солженицынскую версию насчет двух авторов «Тихого Дона» — истинного и приспособившегося к чужой рукописи «соавтора» — с энтузиазмом подхватили молодые, легкие на ногу (и на руку). Можно сказать, что на место «шолоховедов» пришли азартные «шолохоеды». Это уже новая генерация, следующее поколение. Сам Шолохов для них — нечто реликтное, их отношение к роману не отягощено ни личным знакомством с автором, ни посланиями в Вешенскую (подобно солженицынскому: *«Глубокоуважаемый Михаил Александрович... как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона»...»* Это потом Александру Исаевичу пришлось переделывать на *«палаческие руки Шолохова»)*. Нет, молодые — книжники и эрудиты — не желают копаться в чужом белье, выяснять, сколько лет он там учился и какой у него процент казачьей крови (вопрос, который особенно волновал и сподвижницу Солженицына по «Стремени» Ирину Медведеву, и Медведева Роя, последователя, построившего «на крови» целую систему антишолоховских доказательств: *«Шолоховы были «иногородними», и формирование молодого Шолохова протекало вне казачьей среды и казачьих традиций»*. Что в действительности совершеннейшее вранье!).

Новые исследователи доверяют исключительно т е к с т у. Не без вызова они предлагают единственно с книгой в руках дать ответы на все проклятые загадки шолоховской дискуссии: кто? у кого? каким был исходный текст и что натворил «соавтор»? Казалось бы, чего лучше! Только через терпеливое исследование стиля, особенностей миропонимания и художественной самобытности книг можно прийти к чему-то реальному. Тем более что здесь представляется такая уникальная ситуация: буквально вплотную к «Тихому Дону», а то и параллельно с ним идут — «Донские рассказы» сзади, «Поднятая целина» — впереди...

Тем не менее новым исследователям и такая работа показалась г р е б о с т н о й(как бы сказали на родине «Тихого Дона»). Корпеть над каждым словом, забираться в лингвистические, психологические дебри — занятие унылое, не обещающее скорых дивидендов. Да к тому же это надо еще и у м е т ь. Они выбрали путь более простой, но зато эффектный! Одни, как доцент **М.Мезенцев,** расширяя сферу грехов Шолохова, нашли, что даже свою «Судьбу человека» он списал у того же Крюкова — и там, и тут с пленного снимают сапоги... Другие, как **Л.Кацис,** избрав полем сражения модную кибернетику, потешаются над научной старомодностью скандинава Г.Хьетсо, который когда-то установил на ЭВМ, что шансы на авторство «Тихого Дона» всего предпочтительней у Шолохова... Третьи (как супруги **А.** и **С.Макаровы** из московского НИИ, по их свидетельству, *«не связанного как-либо с литературоведением»*, или **Зеев Бар-Селла** в Израиле, чья опора на т е к с т провозглашена уже в названии его книги — **«Тихий Дон» против Шолохова»),** так вот эти третьи, обнаружив в романе некие повторы и фактические неточности, прямо сделали убийственный для Шолохова вывод: это он в своем невежестве все перепутал, когда лепил роман из чужих заготовок...

Молодые солженицынские последователи своего добились. Их разоблачительные нападки пользуются большим успехом у нынешней прессы, их зазывают на свои страницы даже такие важные журналы, как «Новый мир» или «Вопросы литературы» (у которых тоже свои проблемы с подпиской), а свирепость оппонентов только движет рекламу. Надо видеть, как жалостливо уговаривала молодых угомониться «Правда» в статье «Зачем раздувать остывшие угли?», с каким полупоклоном критиковала их «Российская газета», подметившая, что Макаровы в своей «новомирской» статье называют героя «Тихого Дона» Мелехова то Григорием, то Георгием: *«Но вряд ли кто-нибудь станет на этом основании перечеркивать проделанную ими огромную и в известном смысле полезную работу»*. «Независимая газета», в лице Сергея Федякина, хотя и подивилась тому, что Макаровы воспринимают «Тихий Дон» всего лишь как *«материал объемной информации»*, тем не менее охарактеризовала их публикацию как *«самый мощный поход против Шолохова»*...

Своеобразным сводом всех этих приемов стал большой, на полосу, фельетон **Владимира Радзишевского «Заложник «Тихого Дона»,** которым отметила 90-летие Шолохова «Литературная газета». Один вектор этический: писатель, оказывается, мог и приврать по-охотничьи (насчет количества написанных страниц); мог пойти на постыдный торг со Сталиным в связи с «Поднятой целиной»; случалось, раболепно благодарил секретаря ЦК КПСС за речь, написанную для него неграми из партаппарата... Естественно, не обошлось без упоминания шолоховского выступления против Синявского с Даниэлем, к месту пришлась и байка вешенцев о любимой забаве своего прославленного земляка: *«Напоив гостей до бесчувствия, их укладывали спать во дворе на телеге. Затем тихонько, чтобы не разбудить спящих, телегу на руках спускали к Дону и затаскивали в воду. Сами же шутники прятались на берегу в кустах. То-то было смеху, когда дорогие гости, по нужде продрав глаза, начинали метаться в отчаянии посреди реки, ничего не соображая...»*

Другой критический вектор связан непосредственно с текстом. Не поленившись, автор выписал из ранних шолоховских рассказов и романа однотипные фразы, когда герои уходят « н е о г л я д ы в а я с ь» или когда разные люди награждены « к у ц ы м и» руками-ногами. *«По мне, самое необъяснимое в «Тихом Доне» — головокружительные словесные перепады. Есть в этой прозе места нечеловеческой силы... и есть, прости Господи, чистый канцелярит... Зачем понадобилось Шолохову составлять эту гремучую смесь — не пойму»*, — признается В.Радзишевский, нимало не смущаясь тем, что именно от него, члена редколлегии нашей главной писательской газеты, любознательный читатель как раз и может потребовать профессионального объяснения этому фокусу: такая неприятная языковая смесь, а роман уже столько лет читает вся планета...

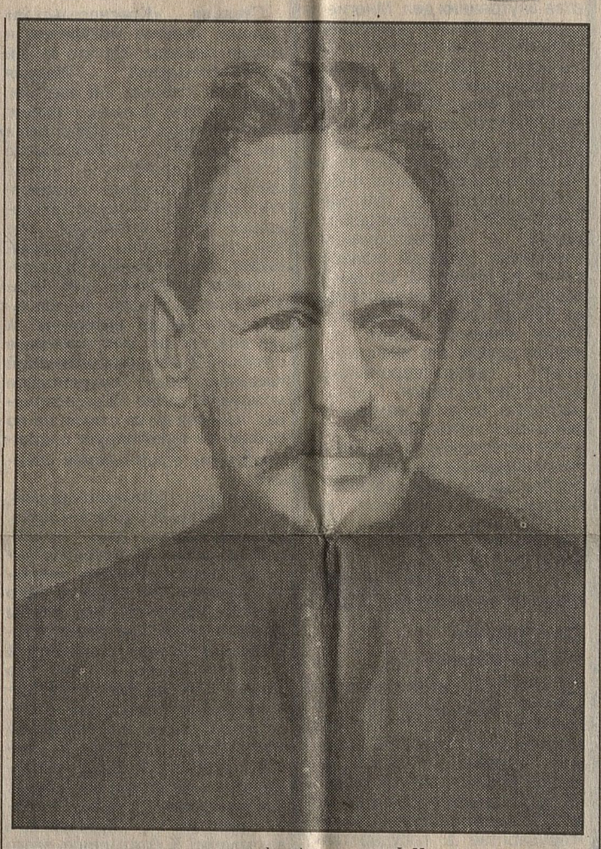
Еще автор «ЛГ» в который раз (вслед за Макаровыми и другими) указал на неточную фразу о *«последней турецкой кампании»*, на путаницу в датах возвращения Григория с фронта. При этом присовокупив и нечто свое, лично наблюденное как весьма занятное (фразу *«отсюда и повелись на хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы»*, оказывается, можно пристроить единственно к Григорию Мелехову!), так и явно надуманное — вроде того, что «Поднятую целину» Шолохов старался писать, с одной стороны, как можно лучше (*«чтобы все видели: его проза о современности не уступает «Тихому Дону»)*, но, с другой — как можно хуже, местами валял *«откровенную абракадабру» («по-видимому, он хотел отослать читателей к столь же непрожеванным местам из «Тихого Дона», чтобы таким парадоксальным образом лишний раз заявить на него свои права»...* Какая разящая догадка!)

«Литгазета» не так проста, как те молодые, и не так дерзка, чтобы сразу же вывести по-пушкински категоричное: *«Украл, конечно!»* В.Радзишевский ни на чем не настаивает, он просто рассыпал перед читателем горсть наблюдений, а тот пусть уж сам решает, не маленький... Он только поставил подзаголовком к статье: *«При упоминании Шолохова вспыхивают обычно темы о плагиате»*. Только заметил к слову, что вот Солженицына в чем только ни обвиняли, однако в плагиате — никогда, *«понимали: этот вязкий ком отвалился бы сам собою — от первого же солженицынского движения. Потому что в каждом поступке писатель был равен себе и своим книгам»*. (Жалоба вдовы Панина, похоже, не в счет.)

Иные примеры шолоховских промашек, календарной, географической путаницы, что демонстрируются «шолохоедами», заставляют читателя вздрагивать — такое в «Тихом Доне», прославленном, сто раз переизданном! И все было бы распрекрасно, когда бы эти радости на пожаре ни остужал всякий раз один и тот же вопрос, достойный мальчика из сказки про голого короля: **но какое отношение все это имеет к проблеме авторства «Тихого Дона»?** Повторы, фактические ошибки Шолохов мог совершить и совершенно самостоятельно, работая в одиночку — такое с пишущими случается. Бывает, и факты из исторических сочинений, не обинуясь, перелопачивают в романы, и про сапоги с пленного пишут, пожалуй, с тех самых пор, как появились пленные и сапоги... Потому-то **А.Огнев,** автор статьи **«История одной инсинуации»,** приуроченной «Нашим современником» к 90-летию писателя, и находит, что все у Макаровых *«рассыпается в прах»*, что их посылки не соответствуют *«клеветническим, по сути, выводам»* и что никогда *«мелочным наследникам Герострата»* не получить тех пяти тысяч долларов, которые в США предлагаются всякому, кто докажет шолоховский плагиат. Потому-то и **Лев Колодный** в «Московской правде» делает строгий выговор «Новому миру»: *«порядочный журнал» не должен опускаться до таких «лживых изысканий»*...

В ПОИСКАХ ПРАТЕКСТА

Лев Колодный может себе позволить такое. Сегодня он вроде



именинника, самая громкая фигура на этом пестром толковище. **Колодный «пратекст» нашел.** То самое, чего так не хватало шолоховской дискуссии, — вещественное доказательство. Журналист, специализирующийся на столичном краеведении, в поисках интересных адресов случайно наткнулся в частном архиве сначала на пачку писем Шолохова, по-новому освещающих его истинное отношение к грабительской коллективизации, а затем и на «пратекст» — написанные шолоховской рукой варианты первых частей «Тихого Дона», где еще только определяются имена героев, их местожительство и т.д.

Прежде всего Колодный с чисто журналистской хваткой широко прорекламировал свою «находку века» во всех сущих газетах, а совсем недавно выпустил и книгу, целый фолиант в 448 страниц. Не претендуя на полноценный автороведческий анализ, он старательно, страница за страницей, описал найденное — какие где пометки и поправки, где карандашом, где чернилами... Всяческих охотников до дискуссий Колодный теперь, что называется, в белых тапочках видал, поскольку своей находкой *«раз и навсегда кладет конец спорам»*, поскольку *«дело сделано: вбит осиновый кол в свалку, где место всем лжемонографиям и статьям»* (так автор формулирует). А поскольку *«точка над i (лучше бы точки. — **В.Л.**) поставлена, вопрос об авторстве великого романа ни один серьезный исследователь больше обсуждать не будет»*.

Все, ребята, можете расходиться. Наплевать и забыть, что вы тут наговорили...

Однако такое командно-административное обращение с литературоведами способно, скорее, вызвать обратный эффект: что значит, больше не будет? В каком смысле — раз и навсегда? (Так один известный поэт по окончании очередного цикла стихов заявил, что им закрыта тема любви в отечественной поэзии.)

Увы, ничего здесь уже не закрыть. Загнать назад в бутылку скандал — такая малость никому не под силу. И как ни жаждет русская душа нелицеприятного ответа — так украл или не украл? — как ни тонки иные гипотезы насчет «плагиата», любая из них ломается о простодушно-грубое, как мужское колено: *«Ну и что? Какое же это доказательство?»*

Однако точно так же, на ту же грубость нарываются и шолоховозащитники, требующие немедленно прекратить все эти криминальные разборки — вот документы. Требовать такое в наши дни, наэлектризованные энергией разоблачений, с нынешним разгулом провокаций, подделок, блефа, когда уже невозможно верить ни удостоверениям, ни денежным купюрам, ни даже милицейской фуражке!

Документ? Найдена рукопись, по которой видно, что Шолохов правил, менял имена, перебирал варианты? Так это и понятно, не о переписчике идет речь, а о «соавторе», который и сам недюжинный писатель. Главное, есть ли в этом неопровержимое доказательство, что никакой чужой рукописи перед автором быть не могло? Такой простой вопрос.

Что касается меня лично, то я в шолоховском авторстве убежден безоговорочно. И мне прискорбны игры в «веришь — не веришь» на святом поле «Тихого Дона». И находку Колодного считаю важным аргументом в споре — это действительно «вещдок», существующий реально (в то время как возникшая недавно сенсация, будто где-то в ставропольской станице нашлась рукопись Ф.Крюкова, ужасно напоминающая «Тихий Дон», оказалась газетной уткой, лопнула, как мыльный пузырь).

Хочу лишь представить до конца все доводы противной стороны. Сомнения насчет «пратекста», собственно, уже и прозвучали печатно — в статье П.Бекедина в журнале «Кубань», у Л.Кациса в «Русском курьере». Сам же Колодный ненароком подсказал еще одну версию, когда заявил, что всякая фальсификация в его находке исключена, ибо *«я не вижу смысла имитировать творческий процесс на 700 страницах»*. Но что же так, спросят, отчего нет смысла, если для Шолохова это был вопрос жизни и смерти? Судя по всему, Колодный напал как раз на ту рукопись, с которой молодой вешенец некогда предстал в Москве пред грозны очи ленинской сестры, М.И.Ульяновой, курировавшей специальную комиссию по обследованию «Тихого Дона» на плагиат.

Забавная деталь: уже и книгу выпустив, Колодный тем не менее саму рукопись миру не показывает, место хранения и своих прав на публикацию не открывает. Совершенно в духе времени объясняет, что боится навести на хозяев всяческих охотников за культурными ценностями, грабителей и шантажистов. Отделывается лишь некоторыми ксерокопиями — этакая торговля из-под полы и «по описанию». Но столь невиданная форма публикации, ясное дело, доверия к его «осиновому колу» не прибавляет... Свою книгу Колодный назвал итоговой: **«Кто написал «Тихий Дон»?»** Да будет ему известно, что шестью годами раньше уже выходила книга с таким же заглавием («Книга», 1989), автор ее — Г.Хьетсо с коллегами по кибернетическому доказательству шолоховского авторства. Так что Бог весть, сколько еще придется выпустить других книг с тем же самым заголовком — пока обыватель помнит, что с «Тихим Доном» что-то неладно, пока эта тема питает газетчиков. А литературоведов — увлекает общей проблемой художественного плагиата, о которую так славно можно острить перья, демонстрируя собственную проницательность и эрудицию (тяжба вокруг шекспировского авторства на века растянулась!). Пока фигура Шолохова будет представляться политиканам особенно удобной и для разоблачения прошлого, и для сведения счетов в нынешней групповой борьбе.

МОЖЕТ ЛИ ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК НАПИСАТЬ ХОРОШИЙ РОМАН?

Какую «антишолоховскую» статью ни возьми, исходным в ней будет все одно: такой плохой человек не мог написать такой хороший роман. Логика младенческая. Даже когда выступают люди, которые, казалось бы, лучше других знают, как там, в писательстве, на самом деле. Если судить по статье **«Фехтование с навозной кучей», Евг. Евтушенко** уважал «Тихий Дон» до тех пор, пока не увидел, что Шолохов мелкого роста, походка у него крадущаяся, а глаза — буравчики, что со слабыми он провинциально чванлив и обещания публично защищать стихи поэта не выполняет. Тогда-то и в «Тихом Доне» ему открылись страницы, словно бы написанные *«кем-то другим»*.

Удрученные такой прямолинейной связью и в других статьях, ныне шолоховозащитники стали полагать, что все можно уладить, успокоить страсти, если убрать эту самую первопричину. Взять и толково объяснить, что Шолохов в действительности был хорошим, на редкость порядочным человеком. Ив.Жуков в своей книжке рассказал о Шолохове — добром семьянине, привел свидетельства жены, детей, напомнил, как ценили его талант Бунин и Хемингуэй, как отказался от Нобелевской премии Сартр, требуя, чтобы прежде всего ею был отмечен автор «Тихого Дона»...

Надо сказать, всякого курьезного на пути к шолоховскому юбилею набежало немало. Увлеченный дурной модой дописывать то «Войну и мир», то «Унесенные ветром», некто, в свою очередь, «продолжил» и «Тихий Дон», даже издал эту штуку книгой. Григорий Мелехов там отважно сражается на фронтах Великой Отечественной. Марк Розовский поставил спектакль по дневничку, найденному Григорием, — «Любовь и жизнь убитого студента». Здесь вся прелесть в афише, на которой, подмигивая зрителю, начертано: *не то по Шолохову, не то по Крюкову...* Обнаружились любовные письма к Эмме Цесарской, сыгравшей роль Аксиньи в первом фильме по Шолохову. В подземных переходах торгуют конспектом-шпаргалкой для абитуриентов «100 сочинений по литературе» — теперь для Шолохова здесь не нашлось места и среди ста. Еще больше мистического тумана вокруг «Тихого Дона» нагнетено скандалом с последней экранизацией романа, стоившим жизни талантливому режиссеру Сергею Бондарчуку; отснятая им лента канула во мраке зарубежных сейфов. Не внес успокоения в умы и объявленный в самый канун юбилея список лауреатов Шолоховской премии в области литературы и искусства — первым там стояло имя вождя кубинской революции Фиделя Кастро Рус.

Под маркой «Московского литератора» братья **Левченко** выпустили сборничек разных воспоминаний **«Наш Шолохов»** (1995) — безалаберно составленный (ничего не понять — откуда, кто?), с каким-то горячечно-невразумительным предисловием под лозунгом *«Слава Богу, что мы — Казаки!»* (им бы другому порадоваться — слава Богу, что сегодня можно издать книгой все что заблагорассудится!). Зато фигура Шолохова здесь вырисовывается и впрямь образцовой: *«Его глаза неистово искрились... Чаще всего в них плескались то веселый юмор, то озорство, то почти детское проказничество, то теплая отцовская ласка. Быстрые и зоркие, они одним взглядом пресекали фальшь в разговоре, пресекали так, что говорившему ложь оставалось лишь замереть с открытым ртом»*...

И вовсе байроновские черты придал Шолохову Ник. Федь в своих «молодогвардейских» статьях, нарисовав образ гордого и одинокого гения, мучаемого общим непониманием: *«Он пророчески чувствовал, куда идет общество, но помочь ничем не мог, оставались одни страдания и тоска от созерцания крушения мира»*. Где-то доктор наук, философ даже, переходит на чистейшую прозу, похоже, ритмизированную: *«Ночь близилась к концу, но сон не приходил... Он лежал, залитый предутренним светом, и мысленно перелистывал страницы прошлого... Над Вешенской широко раскинулось небо, темно-синее на Западе и голубое на Востоке...»*

Однако страницы «Молодой гвардии» — не та бумага, на которой можно безбедно предаваться лирическим медитациям. И верно: уже через несколько абзацев Ник. Федь принимается поименно громить своих врагов, нажитых в «шолоховедении», обличать последними словами неких *«представителей малых народов»*, захвативших ключевые позиции в русской литературе, теснящихся вокруг нее, *«оглашая окрестности картавой речью»*, когда в *«дикой пляске сливаются Мертвые души и Бесы»*...

Постепенно Ник. Федь проясняет поднаготную шолоховской трагедии — это *«хорошо спланированный и тщательно скоординированный «цивилизованным миром» удар»*, широко разветвленный заговор против русской культуры, самой России, истинным сыном которой был автор «Тихого Дона»... Доктор наук словно специально проиллюстрировал своими статьями наше подозрение, что юбилеи классиков устраиваются, прежде всего, на потребу живущих, особенно когда он от имени Шолохова начинает перечислять, что же конкретно из *«социалистической цивилизации»* погибло под сапогами нынешних *«мертвых душ и бесов»* — идеалы, патриотизм, держава, дорогое ему понятие «положительного героя», которое так бережно пестовал соцреализм и которое так к лицу Григорию Мелехову. Бедный Шолохов в интерпретации Ник. Федя!

ПОСЛЕДНЕЕ ДОСЬЕ

Обнаружено шолоховское досье в открывшихся секретных архивах ЦК КПСС и КГБ. Упоминавшийся выше **Валентин Осипов** в своей книге предлагает выписки из этого досье в качестве радикального оружия в борьбе за Шолохова. Хотя оружие это и обоюдоострое. Досье предназначалось исключительно под «компромат», который собирался на каждого, невзирая на лица. И лица от этого, понятное дело, выглядели не лучшим образом. Если бы вдруг сгорело все, что писалось о Шолохове, и человечество судило об авторе «Тихого Дона» единственно по этому досье, пришлось бы сделать вывод, что, с одной стороны, это был человек морально разложившийся, горький пьяница, но, с другой, — довольно зловредная контра — перечил власти, болтал непотребное, не соблюдал партийной дисциплины.

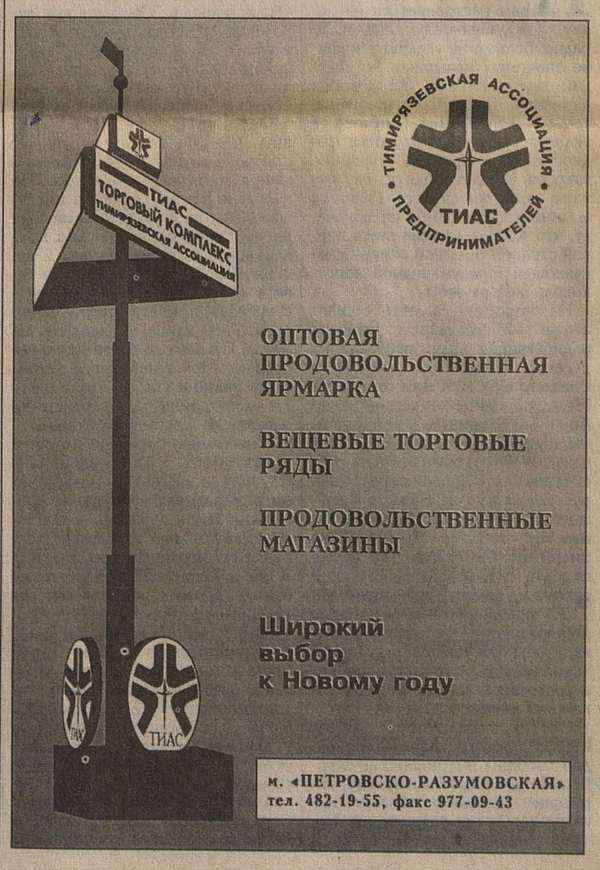
Ветеран шолоховедения, пожалуй, один из последних, с кем общался смертельно больной Шолохов в столице перед тем, как вернуться на родину и умереть. В.Осипов тему пьянства и буянства обходит просто: кто не пьет в наше сумасшедшее время! К тому же факты на сей счет в доносах партнаблюдателей за Шолоховым явно раздуты — была в том своя корысть. А вот тему контры, противостояния большевистскому режиму, развернул в большую книгу. Не скажу, в скольких местах В.Осипов опубликовал ее одновременно, но только мне под названием то **«Годы, спрятанные в архивах»,** то **«Тайная жизнь Михаила Шолохова»** попадалась она в юбилейные дни в четырех еженедельниках и журналах, в «ЛГ-Досье», в 82-тысячной «Роман-газете», всякий раз вызывая чувство невольного восхищения — так и надо издавать литературоведов в эти ненастные времена! Видно по всему, что автор хотел донести свою мысль до всех, кого успели сбить с толку россказни о шолоховской сервильности в отношении Старой площади — ведь именно в это, а не в какие-то там этику и политес целят противники писателя прежде всего!

В.Осипов прослеживает все дерзости вешенского казака и своенравного художника год за годом в эпоху каждого из генсеков. У Сталина он требовал свободы для невинно репрессированных, хлеба для голодающих, смело писал в письмах вождю об искривлениях на коллективизации и провокациях местного НКВД. Отвергал беспардонные заигрывания Хрущева, наотрез отказавшись живописать поездку с ним в США. И уж совсем ни во что не ставил Брежнева, по сути, не пустил в Вешенскую, куда тот рвался гостем, — по его милости писатель вынужден был сжечь в печи большую часть рукописи о сражавшихся на последней войне.

Подняв подшивки «Правды» за многие годы, В.Осипов нашел там массу фактов иезуитского отношения Старой площади к большому художнику — его могли даже не упомянуть в статье о литературе, могли даже не пригласить на важное совещание! Но и Шолохов откровенно платил им той же ценой — не поздравил Сталина со званием генералиссимуса, отказался от поста генерального секретаря Союза советских писателей и главного редактора «Нового мира». А когда Сталин умер, ограничился 80-строчной заметкой «Прощай, отец!», в то время как другие выражали свою скорбь по тирану на многих страницах. В книге продемонстрированы также доносы на Шолохова — нарушителя установленного для делегатов партсъезда регламента; секретная депеша от посла в Париже, где советский гость позволил себе отнюдь не по-партийному рассуждать о «Докторе Живаго»; хамская резолюция на выстраданном писателем письме относительно гибнущей русской культуры: *«Разъяснить т. Шолохову действительное положение дел...»*

Увлеченный своей темой, В.Осипов рисует Шолохова все более крутой контрой, забирает все выше и выше, словно забыв, что певчую птицу как раз в таком состоянии и бьют под взлет.

«И мы страдали...» — иронически откликнулась на книгу Екатерина Данилова в «Общей газете», подметив все переборы шолоховеда: и неуклюжую байку о том, как лауреата Нобелевской премии хотели зарезать злокозненные кремлевские доктора, и практикуемое автором *«постоянное нагнетание ужаса»* (все эти шолоховские нравственные *«раны, шрамы на всю жизнь»*, *«удар ножом в спину, согнутую над столом»*, *«истинно Голгофа с крестом тяжкой судьбы на плечах»* и т.д.). Получается, что В.Осипов, выпрямляя, сам не заметил, как перегнул в другую сторону: *«Желая оградить своего героя от обвинений в сталинизме, холуйстве, продажности, пытаясь объяснить, что и у живого классика жизнь — не мед, делает из писателя мелкого, уязвленного, зацикленного на своих ничтожных обидах человека»*.

Вышутив такую метаморфозу, случившуюся под пером шолоховеда, критик Е. Данилова в самом последнем абзаце своей статьи, словно сбросив веселую маску, вдруг произносит с замогильной угрюмостью уже непосредственно о Шолохове: нет, ему нечего рассчитывать на посмертную память, она не для таких... И попалась в те же сети — ничего нет комичней, чем пророчества в газете относительно вечности: кто остается, а кто от сего числа лишается *«посмертной памяти»*... Как говорил Маяковский, вы приходите через сто лет, там посмотрим.

Едва ли с Шолоховым случится что-нибудь этакое. Просто будет следующий юбилей — уже столетний. И опять-таки его приспособят к злобе дня. Только бы та злоба и тот день были почеловечней нашего, а лица в юбилейном зеркале — поразумней и поспокойней. Улегся бы вокруг замечательного романа весь этот базарно-газетный ажиотаж. И если надо заниматься текстом, его генезисом, то занимались бы этим не одни репортеры-краеведы, политологи и молодые технари, нашедшие для себя «в расследовании» нечто вроде азартного хобби, а и литературоведы, которые сегодня с таким страхом отшатнулись от скандальной темы. Как ни рутинно выглядит их работа со стороны *(«перышко держа, полезет с пережавленным»)*, ничего не попишешь — это их профессия, они здесь специалисты. Каждый должен делать свое дело. Не может быть, чтобы профессионализм, в конце концов, не восторжествовал в нашей стране. Тогда, глядишь, и с Шолоховым разберемся.